

Тигрануи Нерсесян

Из наблюдений над сказочным хронотопом (на материале русской и армянской сказки)

Особое место среди работ, посвященных методологии исследования пространства-времени в искусстве, по нашему мнению, занимают труды М. М. Бахтина, содержащие идею знаменитого уже хронотопа. Это одно из сложных нововведений Бахтина, получившее сейчас широкое, хотя и неоднозначное толкование.

У Бахтина «хронотоп», как известно, обозначает представление времени и пространства в художественно обработанном виде, внутри феноменов искусства; так, он писал: «Существенную связь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе, мы будем называть хронотопом...»¹ (поэтому такие встречающиеся в литературе выражения, как «хронотоп нашей эпохи» и т.п., мы считаем некорректными).

При этом Бахтин имел в виду не только само задание пространственно-временных отношений в романе, художественно освоенных в литературе, но и различие способов и модусов этого задания в различные исторические эпохи, в различных культурных регионах. Отсюда — различия, описанные им, в хронотопах древнегреческого и новейшего европейского романов, фольклорного и биографического и др.

Задача, которую мы ставим перед собой, двуделина: с одной стороны хронотоп способен служить выявлению особенностей сказки, с другой — применение хронотопа для конкретного анализа текста способствует обогащению самой идеи хронотопа.

Предлагается рассмотреть соотношение между текстом сказки и самим сказом — нарративом сказки. Для анализа

структуры текста нами используется понятие маркера — так, как он вводится в работе Найды и Тейбера². Совершенно очевидно, что для сказки особую роль играют маркеры начала и конца. Их формульность замечена давно. На наш взгляд, существует связь между маркерами и типом нарратива сказки: у сказки как у способа повествования два надежнейших опорных столба — начало и конец. Сама выделенность, отмеченность начала и конца говорит об осознании их особой роли. Иначе говоря, существует довольно жесткая корреляция: начало и конец текста — начало и конец сказа.

Но для сказки характерно не только то, ее начало совпадает с началом событий — и в последующем ее повествовании имеется простая и ясная очередность событий, здесь не бывает путаницы времен.

Итак, события сказки четко сменяют друга. Конечно, есть сказки с несколькими сюжетными линиями, но и в этом случае время течет параллельно по нескольким отдельным линиям, которые должны пересечься. Пока наше внимание привлечено к событиям одной из линий, в другой линии события не развиваются, застывают, как бы ожидая, пока повествование вернется к ним (ср., например, русскую сказку «Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде»). Эта линейность сказа особенно рельефно выделяется на фоне разнообразных «игр со временем», характерных для авторской литературы нового и новейшего времени, — того, что М. М. Бахтин в свое время называл инверсией³.

Время сказки — дрящущее, несовершенное прошедшее время, хотя обычные для глагольные формы грамматически ставятся в прошедшем совершенном. Это сказочное время резко отлично, скажем, от эпопеи, время которой — прошедшее совершенное и завершенное. Как отмечал М. М. Бахтин, дело не только в том, что время эпопеи — время прошлое. Оно может быть названо абсолютным прошлым, так как нет никаких ступеней перехода от него к настоящему. Оно замкнуто в себе, закрыто. Оно отгорожено абсолютной гранью от всего последующего и прежде всего — от времени, в котором находятся певец и слушатели. Уничтожить разрыв между прошлым и настоящим

— значит уничтожить форму эпопеи как жанра⁴.

К вопросу о конце — сказка не признает неопределенных концов, столь любимых литературой новейшего времени (ср. концовку романа «Евгений Онегин»), то есть ее конфликт должен быть разрешен, мы должны узнать, что стало с каждым из героев и т.п. Она ничего не оставляет на свободную интерпретацию слушателя (ср. с характеристикой народной сказки, принадлежащей Т. В. Зуевой, исследовавшей сказки Пушкина: «Сюжет народной сказки, начиная развиваться от конфликта, завершается с полным его разрешением. Это придает ему замкнутый характер, позволяет абстрагировать содержание сказки в пространстве и во времени. Сказочное пространство — это некоторое царство, куда должны силой воображения перенестись слушатели»⁵.) И здесь опять можно заметить корреляцию между текстом сказки и, в данном случае, типом конфликта: правоту Т. В. Зуевой подтверждает и традиционный зачин русской сказки «В некотором царстве, в некотором государстве...» — ведь «некоторый» означает не только «неопределенный», но и — «особый».

Примечательно при этом, что зачин армянской сказки оформлен и в грамматическом смысле в настоящем несовершенном времени («Быль то или небыль...»: в дословном переводе «Бывает — не бывает»), а конец — в прошедшем совершенном («С неба упало три яблока...»), а у русской сказки — наоборот: «Жили-были» — начало и «И сейчас живут, хлеб жуют» — конец. Подобный зачин армянской сказки и концовка русской сказки типа «И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, в рот не попало» выполняют еще одну важную роль, подчеркивая особый модус сказочной реальности — то ли правда, то ли неправда.

Кстати, о пространстве сказки — для нее большую роль играет «свое» и «чужое» в пространстве. Так, в сказке отображается семиотически чрезвычайно нагруженное понятие «границы», введенное Ю. М. Лотманом: «Одним из основных механизмов семиотической индивидуальности является граница.<...> Это пространство определяется как «наше», «свое», «культурное», «безопасное», «гармонически организованное»

и.т.д. Ему противостоит «их-пространство», «чужое», «враждебное», «опасное», «хаотическое»⁶.

А вследствие этого и возникает, по нашему мнению, весьма значимый для сказки переход через границу. В сказках нередки переходы из одного «мира» в другой, изменения состояний (например, человек может перейти из обычного своего состояния в другое — в состояние понимающего язык животных, что приведет к изменению его судьбы) и даже трансформации статуса: лжегерой может на время занять место героя, но потом обязательно бывает низложен (русская сказка «Купеческая дочь и служанка», армянская сказка «Сказка о девушке по имени Роза-Фиалка»).

Пространство сказки — это несколько взаимно совмещенных пространств разного типа: пространство подобное реальному, пространство с другими законами физики, особый мир, локализованный в определенном времени (например, время ночи — это мир активности темных сил), особые подземный, подводный и надземный миры, мир мертвых и т.д..

При этом важно, что герой зачастую отличается от лжегероя именно тем, что герою разрешен переход из одного мира в другой, хотя заранее он может и не знать о своей избранности (примеры многочисленны).

Пространство и время сказки служат нуждам нарратива — так, в русской сказке «Солнцева сестра» спасение героя может совершиться только в пространстве, недоступном для ведьмы, поэтому герой отправляется к солнцевой сестре.

Пространство и время сказки, как и в современных физических теориях, составляют континуум — так, в широко распространенном бродячем сюжете о спящей царевне уснувший вместе с нею мир характеризуется не только остановкой времени, но и четко локализован в пространстве.

Если учесть, что пространственно-временной континуум создает основу реальности, и при этом сопоставить реальность сказки и действительную реальность жизни человека, то их соотношение довольно любопытно. Наверно, в хронотоп следует включать и средства преодоления пространства — тогда соотношение между пространством реальности и пространством

твом сказочным довольно неординарно: ведь средства передвижения в пространстве (волшебный ковер, метла, крылатый конь, птица и т.д.) как бы переходят из сказки в реальность.

Тигрануи Цолаковна Нерсесян, соискатель кафедры общего и сравнительного языкознания Ереванского государственного университета

¹ *Бахтин М. М. Формы времени и хронопа в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. — М., 1975. — С. 234.*

² *Nida E. A., Taber C. The Theory and Practice of Translation. — Leiden, 1969.*

³ *Бахтин М. М. Формы времени и хронопа в романе. С. 297.*

⁴ *Бахтин М. М. Эпос и роман // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. — М., 1975. — С. 456—457.*

⁵ *Зуева Т. В. Сказки А. С. Пушкина. — Москва, 1989. — С. 44.*

⁶ *Лотман М. Ю. Понятие границы // Лотман М. Ю. Внутри мыслящих миров. Человек — Текст — Семисфера — История. — Москва, 1996. — С. 175.*